

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 94(470/331)''19''+351.853.1/3

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ НА ТЕРРИТОРИИ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Е. Н. Жукова

Тверской государственный университет,
кафедра отечественной истории ТвГУ, г. Тверь, Россия

В статье выявлены особенности процесса разрушения и утраты памятников археологии на территории Тверской губернии. Рассмотрены аспекты становления законодательства по охране памятников древности и реальное положение дел охраны памятников на примере Тверской губернии. В дореволюционный период в 70-е гг. XIX в. и в первые годы XX в. были систематизированы и декларированы различные аспекты охраны памятников: разработана структура охранительных органов, определены методы и средства реализации поставленных задач. Однако предложенные проекты так и не были воплощены в законы. Нерешительность правительства в данном вопросе активизировала инициативу общественных организаций, в том числе и в Тверской губернии. Революционные события 1917 г. послужили своеобразным катализатором этого процесса. Основные положения проектов конца XIX – начала XX в. нашли своё реальное воплощение в постановлениях советского правительства 20-х гг. XX в.

Ключевые слова: охрана памятников археологии, грабительские раскопки, Верхневолжье, Императорская Археологическая комиссия, Московское археологическое общество, Тверская ученая архивная комиссия.

Археологические памятники как свидетельства развития материальной культуры человеческого общества всегда находились в зоне хозяйственных интересов и, следовательно, подвергались разрушению. С формированием научного интереса к памятникам древности актуализируется и проблема сохранения информации этих свидетельств исторического прошлого. Охранные мероприятия традиционно включают в себя как процесс сбора данных об археологических памятниках, так и предотвращение, по возможности, их разрушения.

Представленное исследование посвящено выявлению особенностей процесса утраты и охраны памятников археологии на территории Тверской губернии с учётом специфики формирования российского законодательства. Оно основано на материалах неопубликованных источников (из фондов

Тверской учёной архивной комиссии, Тверского губернского отдела народного образования, Тверского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Подотдела по делам музеев, охране памятников старины, искусства и природы (Губмузея) Государственного архива Тверской области и материалах из Архива Тверского государственного объединенного музея) и на опубликованных законодательных актах и проектах¹.

Вопросу законодательства в деле охраны памятников посвящена обширная отечественная историография². При этом большинство и участников событий, и современных исследователей сходятся во мнении, что неудачи в вопросе принятия закона были обусловлены многими трудностями, в том числе и затруднениями в разрешении вопроса о форме собственности на памятники. Принципиально преодолеть его удалось только после установления советской власти, которая национализировала все древности. В охранных мероприятиях первого десятилетия советского времени широко учитывался дореволюционный опыт основных организационных мероприятий³. Наиболее продуктивно вопросы охраны древностей стали обсуждаться и реализовываться сразу после установления советской власти на всей территории государства⁴.

---

¹ Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII – начало XX вв.: сб. док. М., 1978; Охрана памятников истории и культуры: сб. док. М., 1968.

Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury v Rossii XVIII – nachalo XX vv., Sbornik dokumentov, М, 1978; *Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury, Sbornik dokumentov*, М, 1968.

² Шмит Ф. И. Музейное дело: Вопросы экспозиции. Л., 1929. С. 45; Каранетян Л. А. Охрана культурного наследия в России в начале XX в.: К вопросу о законопроекте «Об охране древностей» // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 1 (64). С. 44–49.

Shmit F. I., *Muzeinoe delo: Voprosy ekspozitsii*, L, 1929, S. 45; Karapetyan L.A., *Okhrana kul'turnogo naslediya v Rossii v nachale XX v.: K voprosu o zakonoproekte «Ob okhrane drevnostei»*, Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii, 2017, № 1 (64), S. 44–49.

³ Личак Н. А. Деятельность провинциальных музеев по сохранению памятников искусства и старины Тверской губернии в 1920-х гг. // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 303; Личак Н. А. Классификация памятников искусства и старины в первые годы советской власти // Наука и современность-2010: сб. матер. III Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2010. Ч. 2. Исторические науки. С. 102–103; Киндзерская М. А. Охрана памятников в начальный период осуществления социалистических новаций // Культурная жизнь Юга России. № 2 (31). 2009. С. 8.

Lichak N. A., *Deyatel'nost' provintsial'nykh muzeev po sokhraneniyu pamyatnikov iskusstva i stariny Tverskoi gubernii v 1920-kh gg.*, Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik, 2015, № 6, S. 303; Lichak N.A., *Klassifikatsiya pamyatnikov iskusstva i stariny v pervye gody sovetsskoi vlasti*, Nauka i sovremennost'-2010, Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ch. 2. Istoricheskie nauki, Novosibirsk, 2010, S. 102–103; Kindzerskaya M. A., *Okhrana pamyatnikov v nachal'nyi period osushchestvleniya sotsialisticheskikh novatsii*, Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii, № 2 (31), 2009, S. 8.

⁴ Жервэ Н. Н. Деятельность Новгородского общества любителей древности по охране и археологическому изучению памятников новгородской старины (1908–1930 гг.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: тез. науч.-практ. конф. Новгород, 1988. Вып. 1. С. 111–114; Григорьева С. Е., Дмитриенко Н. М., Черняк Э. И. Томский краевой музей и

Во второй половине XIX в. начался объективный процесс перехода экономики страны на индустриальные основы. Бурный рост и развитие промышленности повлекли за собой увеличение распашки земель, прокладку железнодорожных и шоссейных путей сообщения, перепланировку кварталов городов. Прежде всего разрушению подвергались курганные насыпи, в меньшей степени – городища. Курганы распахивались, насыпи служили источником строительного сырья – песка. Кроме того, при расположении памятника в непосредственной близости от жилищно-хозяйственных сооружений и транспортных путей насыпи курганов нивелировались. Так, например, неизвестный респондент сообщает о состоянии погребального памятника у с. Городище Весьегонского уезда: «... большинство сопок находятся в полях и потому их обочины опахиваются и осыпаются от времени; если в 1865 г. их было 131, то нет сомнения, что их было гораздо больше и за сотни лет ни одна из них уже исчезла»⁵. При строительстве Николаевской железной дороги многие памятники были уничтожены. Таким образом, памятник разрушался либо одномоментно (при строительстве), либо постепенно. При введении территории, занимаемой памятником, главным образом курганами, в сельскохозяйственный оборот до его полного уничтожения, по мнению А. А. Спицына, при средней высоте насыпи 1,5 – 2 м, проходило около половины столетия: «Имеются определенные данные, что большие группы целых курганов высотой до 2-х аршин распахиваются сохой почти совершенно в течение 30 – 50 лет; пожилые люди указывают гладкие площадки там, где на памяти их существовали насыпи в рост человека»⁶.

сохранение культурных ценностей (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 201–209; Личак Н. А. Охрана памятников истории и культуры в Верхнем Поволжье в начале 1920-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия: История. Вып. 97. СПб., 2009. С. 28–35; Платонова Н. И. Первые шаги в деле охраны памятников революционного Петрограда (к публикации документов из личного архива П. П. Покрышкина) // Российский археологический ежегодник. № 4. 2014. СПб., 2014. С. 480–499.

Zherve N. N., *Deyatel'nost' Novgorodskogo obshchestva lyubitelei drevnosti po okhrane i arkheologicheskomu izucheniyu pamyatnikov novgorodskoi stariny (1908 – 1930 gg.)*, Novgorod i Novgorodskaya zemlya, Istoriya i arkheologiya: tez. nauch.-prakt. konf., Novgorod, 1988, Vyp. 1, S. 111–114; Grigor'eva S. E., Dmitrienko N. M., Chernyak E. I., *Tomskii kraevoi muzei i sokhranenie kul'turnykh tsennostei (1920-e gg.)*, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya «Kul'turologiya i iskusstvovedenie», 2018, № 30, S. 201–209; Lichak N. A., *Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury v Verkhnem Povolzh'e v nachale 1920-kh godov*, Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena, Seriya «Istoriya», Vy. 97, SPb, 2009, S. 28–35; Platonova N. I. *Pervye shagi v dele okhrany pamyatnikov revolyutsionnogo Petrograda (k publikatsii dokumentov iz lichnogo arkhiva P.P. Pokryshkina)*, Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik, № 4, 2014, SPb, 2014, S. 480–499.

⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 231. Л. 2. State Archive Tver' Region (GATO), F. 103, Op. 1, D. 231, L. 2.

⁶ Спицын А. А. Археологические разведки. СПб., 1908. С. 8. Spitsyn A. A., *Arkheologicheskie razvedki*, SPb, 1908, S. 8.

Составление каталога памятников губернии наглядно продемонстрировало уровень сохранности историко-культурного наследия края. Необходимость проведения охранных мероприятий стала очевидной. Из общего числа учтенных разрушений памятников в Тверской губернии 58,1 % пришлось на хозяйственную деятельность людей (табл.).

Разрушение археологических памятников Тверской губернии

Уезд	Хозяйственная деятельность	Грабительские раскопки	Природные явления	Итого
Бежецкий	10	3	1	14
Весьегонский	4	3	1	8
Вышневолоцкий	7	5	–	12
Зубцовский	2	–	–	2
Калязинский	1	–	–	1
Кашинский	3	1	1	5
Корчевской	3	1	2	6
Новоторжский	3	2	–	5
Осташковский	3	3	–	6
Ржевский	1	1	–	2
Старицкий	1	3	1	5
Тверской	5	3	–	8
Всего:	43 (58,1 %)	25 (33,8 %)	6 (8,1 %)	74 (100 %)

Коммерческая деятельность развивающегося индустриального общества активизировала материальную заинтересованность в археологических и нумизматических находках. Артефакты стали объектом товарно-денежных отношений. В поле зрения государственных чиновников попадали торговые операции с предметами старины, в том числе и археологическими находками. В 1886 г. Министерство юстиции при поддержке Императорской археологической комиссии выступило с инициативой «... принять надлежащие меры, чтобы одновременно с производством описи предназначенного к продаже с публичных торгов частного имущества, в случае, если в составе оно окажется вещи старинные или имеющие археологическое значение, был составлен подробный перечень означенным вещам...»⁷. В губерниях за исполнением этого постановления должны были следить статистические комитеты либо архивные комиссии. В Тверской губернии эту функцию исполняла Тверская архивная учёная комиссия (ТУАК), косвенным свидетельством чему служит обращение судебного пристава Я. Я. Мирошкина в архивную комиссию об аресте в одной из торговых лавок Твери, в которой

⁷ Журнал 7 заседания Тв.УАК. 1 декабря 1886 года. Тверь, 1887. С. 1.
Zhurnal 7 zasedaniya Tv.UAK. 1 dekabrya 1886 goda, Tver', 1887, S. 1.

осуществлялась продажа старых медных монет разных годов и разного достоинства⁸.

Охранные мероприятия на территории Тверской губернии производились в порядке, принятом на территории всей Российской империи. До 1917 г. контроль за состоянием археологических памятников осуществлялся двумя министерствами: внутренних дел (далее – МВД) и императорского двора. Техническо-строительный комитет при МВД распоряжался вопросами реставрации и перестройки зданий, имеющих культурно-историческое значение, в том числе построек средневековой гражданской и духовной архитектуры⁹. Губернаторам, также состоящим в подчинении МВД, предписывалось заботиться об охране памятников и периодически информировать министерство об их текущем состоянии (циркуляры 1837, 1848 гг.)¹⁰.

В 1859 г. было образовано первое государственное учреждение, в ведении которого находились археологические памятники – Императорская археологическая комиссия при Министерстве *bygthfnjhcrjuj* двора. В «Положении» о её образовании, в § 7 говорится, что «комиссия... заботится, чтобы в том случае, когда настает надобность уничтожить какой-либо остаток древности, как-то: памятник зодчества, курган и проч., или произвести большие земляные работы на месте древнего города или замечательного урочища... приняты были, по возможности, нужные археологические меры...»¹¹. Законодательные акты, составленные в интересах Археологической комиссии, исходили от МВД. Они решали две основные задачи: постановка памятников на учет и охрана их от преднамеренного разрушения. Для реализации этих целей привлекались губернские статистические комитеты (циркуляр 1863 г.)¹², железнодорожные чиновники, отвечающие за новое строительство (циркуляр 1865 г.)¹³, а также начальники губерний (циркуляры 1866, 1869 гг.)¹⁴. Характерно, что в Тверской губернии, одной из первых подвергшейся внедрению новых транспортных коммуникаций, роль инспектора исполнял делопроизводитель губернского правления надворный советник Валентин Иванович Плетнев. Он был «... командирован... для разъездов по линии железной до-

⁸ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 385. Л. 115.

ГАТО, Ф. 103, Оп. 1, Д. 385, Л. 115.

⁹ Свод законов российской империи. Т. XII. Ч. I. СПб., 1857.

Svod zakonov rossiiskoi imperi, Т. XII, Ch. I, SPb, 1857.

¹⁰ Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII – начало XX вв. ... С. 49–50; Тверские губернские ведомости. 1848. 8 мая.

Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury v Rossii: XVIII – nachalo XX vv. ..., S. 49–50; Tverskie gubernskie vedomosti, 1848, 8 maya.

¹¹ Охрана памятников в России: XVIII – начало XX вв. ... С. 63–68.

Okhrana pamyatnikov v Rossii: XVIII – nachalo XX vv. ..., S. 63–68.

¹² Там же. С. 68–70.

Ibid, S. 68–70.

¹³ Там же. С. 76–78.

Ibid, S. 76–78.

¹⁴ Там же. С. 85–86, 91–92.

Ibid, S. 85–86, 91–92.

роги для разъяснения и отдачи словесных приказаний... лицам, которым поручено наблюдение за охраною линий железной дороги в пределах Тверской губернии»¹⁵.

Разрозненность и нерегулярность правительственных постановлений привели к тому, что общественные организации стали самостоятельно действовать в деле сохранения памятников. Наибольшую активность проявляли москвичи. Московское археологическое общество кроме полевых исследований, занималось охраной и реставрацией архитектурных памятников. Правовым основанием деятельности служило Положение об учреждении общества: «... государь император по положению Комитета министров... высочайше соизволил разрешить учреждение Московского археологического общества... с распространением на оное всех постановленных в законе правил об отыскании предметов древностей на землях казенных и общественных»¹⁶. Довольно часто это приводило к тому, что раскопки памятников могли производить случайные люди, ссылаясь на полученное разрешение в организациях, не компетентных распоряжаться подобными вопросами. Губернаторы, призванные на местах следить за состоянием памятников, были не в состоянии определить правомочность действий полевых исследователей. Это, в свою очередь, могло привести к беспечному уничтожению памятника. Императорская археологическая комиссия была заинтересована в централизации контроля над исследованиями памятников. Несмотря на законное желание членов МАО сохранить автономность своей работы, серия циркуляров МВД 80–90-х гг. XIX в. определила приоритет Императорской археологической комиссии. Кульминационным моментом в законодательстве явился Указ Александра III 1889 г.¹⁷, по которому исключительное право разрешения и производства археологических раскопок, а также реставрационных мероприятий памятников зодчества было передано Археологической комиссии. Кроме того, комиссия имела приоритетное право на археологические находки. В 1901 г. графиня П. С. Уварова безуспешно обращалась к Николаю II с просьбой вернуть обществу утраченные права¹⁸.

В отличие от москвичей, Санкт-Петербургские научные сообщества проявляли большую лояльность к правительственным постановлениям, стремясь, прежде всего, к сохранению конструктивного сотрудничества с Археологической комиссией.

Тверская учёная архивная комиссия поддерживала официальную политику в отношении охраны древностей и признавала авторитет Археологи-

---

¹⁵ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2708. Л. 1.

GATO, F. 103, Op. 1, D. 2708, L. 1.

¹⁶ Охрана памятников в России XVIII – начало XX вв... С. 71.

Okhrana pamyatnikov v Rossii XVIII – nachalo XX vv., S. 71.

¹⁷ Там же. С. 133–134.

Ibid, S. 133–134.

¹⁸ Там же. С. 154–158.

Ibid, S. 154–158.

ческой комиссии. В то же время члены ТУАК стремились к научному сотрудничеству и с Московским археологическим обществом. Политика лавирования объяснялась тем, что тверичи «... едва ли обладают специальными... знаниями»¹⁹ в области археологии, и научные контакты с представителями двух столиц окажут наиболее благотворное влияние на изучение археологических памятников в губернии.

К началу XX в. в России сформировалось два научных центра: официальное представительство в Санкт-Петербурге и оппозиционно настроенное археологическое общество в Москве. В губерниях охрана памятников была возложена на исполнительную власть. При наличии на местах научных учреждений (архивных комиссий, музеев, общественных научных организаций) губернское начальство реализовывало свою власть, опираясь на активную поддержку членов этих организаций. В частности, в Тверской губернии это была ТУАК, в Новгороде – Новгородское общество любителей древности²⁰ и т. д. Подобная схема действовала и в Тверской губернии – постановления губернатора и циркуляры МВД доводились до сведения участников Тверской учёной архивной комиссии²¹, публиковались в «Тверских губернских ведомостях»²².

Таким образом, законодательство Российской империи контролировало полевые исследования (сбор информации, раскопки, выдача открытых листов) и составление коллекционных собраний артефактов (клады; случайные и экспедиционные находки; предметы аукционных торгов).

Участниками несанкционированных разрушений памятников становились люди из различных сословий. При этом мотивы были схожи: хозяйственная необходимость (чаще всего строительство), материальная выгода и любопытство. В Тверской губернии из 74 случаев разрушения памятников 25 относятся к так называемым «грабительским» раскопкам (см. табл.). В источниках такие действия обозначаются «из любопытства», «в поисках клада». При этом, в том случае, если раскопками занимались крестьяне, то находки не сохранялись. При интересе помещиков к археологическим памятникам своих владений артефакты, чаще всего, передавались в музей. Председателю ТУАК И. А. Иванову сообщали из уездов губернии о фактах грабительских раскопок (письмо Б.Д. Вейдемана от 29 мая 1909 г.): «Считаю нужным сообщить, что дня четыре тому назад начал раскапывать эти курганы крестьянин д. Филищево Василий Ларионов... и я боюсь, что все эти курганы перероют, если не принять каких-либо мер»²³.

¹⁹ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 237. Л. 1.

ГАТО, Ф. 103, Оп. 1, Д. 237, Л. 1.

²⁰ Жервэ Н. Н. Указ. соч.

Zherve N.N., *Op. cit.*

²¹ Журнал 68 заседания Тв.УАК. 21 мая 1898 года. Тверь, б/г. С. 4.

Zhurnal 68 zasedaniya Tv.UAK. 21 maya 1898 god., Tver', b/g, S. 4.

²² Тверские губернские ведомости. 1884. 24 мая.

Tverskie gubernskie vedomosti, 1884, 24 maya.

²³ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 219. Л. 46 – 46 об.

ГАТО, Ф. 103, Оп. 1, Д. 219, Л. 46 – 46 об.

Методы борьбы с нарушителями выбирались в зависимости от социального статуса «грабителей». Для низшего сословия стимулом к передаче в научные учреждения случайных находок служило денежное вознаграждение. Для всех остальных наилучшим средством предотвращения правонарушения считалась его профилактика, выражавшаяся в формировании позитивного общественного мнения в случае сохранения древностей. Например, в докладе министра внутренних дел в Государственную Думу говорилось: «... комитету надлежит особо заботиться о распространении в обществе сведений относительно находящихся в Империи древностей, так как небрежное и грубое отношение к замечательным в историческом отношении предметам объясняется в настоящее время в большинстве случаев именно отсутствием надлежащих сведений о высокой научной ценности этих предметов»²⁴. Кроме того, в соответствии со строительным уставом, могли быть подвергнуты наказанию чиновники, виновные в разрушении архитектурных памятников. Впрочем, наказать могли и за превышение властных полномочий.

Анализ циркуляров и постановлений второй половины XIX – начала XX в. позволяет сделать вывод об идентичности их содержания. С периодичностью в несколько лет выходили указания, по смыслу повторявшие вышедшие ранее. Заявление Императорской археологической комиссии, опубликованное в периодическом издании «Родина» за 1887 г. (№ 8 от 22 февраля), лишний раз свидетельствует о безрезультативности законотворчества: «Несмотря на неоднократные распоряжения Министерства внутренних дел, доставляемые археологической комиссии подробные сведения о всех производимых в империи археологических раскопках хоть с научной целью, так и с целью кладоискательства, такие сведения комиссией получаются в высшей степени не исправно, и о значительном большинстве раскопок комиссии приходится узнавать из газетных сообщений»²⁵.

Для осуществления охраны историко-культурного наследия страны требовался закон, определяющий мероприятия по охране памятников и наказанию при его нарушении, а также государственная инстанция, реализовывающая эти функции. Несмотря на то, что к законодательному оформлению проблем охраны древностей приступали дважды: в 70-х гг. XIX в. и начале XX в., эти попытки так и остались на уровне проектов.

Впервые вопрос о необходимости принятия закона был поднят на заседаниях I Археологического съезда, проходившего в Москве в 1869 г. Вопросы охраны древностей обсуждались и на последующих съездах²⁶. Московское и Санкт-Петербургское археологические общества – инициаторы

---

²⁴ Охрана памятников в России: XVIII – начало XX вв.... С. 235.

Okhrana pamyatnikov v Rossii: XVIII – nachalo XX vv., S. 235.

²⁵ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 211. Л. 1.

ГАТО, Ф. 103, Оп. 1, Д. 211, Л. 1.

²⁶ Шаманаев А. В. Вопросы охраны памятников археологии на VI Археологическом съезде в Одессе (1884 г.) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; Институт археологии РАН, Москва; Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск. Т. II. С. 308–309.

созыва археологических съездов – действовали под патронажем Министерства народного просвещения. В рамках деятельности этого министерства в 1876–1877 гг. под руководством товарища министра внутренних дел А. Б. Лобанова-Ростовского работала комиссия по созданию «Проекта правил о сохранении исторических памятников»²⁷. За основу был принят документ, разработанный Московским археологическим обществом. Предполагалось разделить все памятники на движимые (памятники письменности, музейные экспонаты) и недвижимые (сооружения и монументальная живопись). Поскольку архивы, библиотеки и музеи изначально были ориентированы на сохранение исторических источников, то большее внимание в проекте уделялось недвижимым памятникам, к которым относились и археологические (курганы, городища и т. д.). Для определения объекта охраны было предложено создать единый реестр памятников, составными элементами которого должны были стать три пункта: краткая характеристика памятника, его ведомственная принадлежность и степень сохранности. В целях осуществления охранных мероприятий предполагалось создать императорскую Комиссию о сохранении исторических памятников с отделениями по всей России. Четыре постоянных члена комиссии должны были осуществлять методическую работу по охране памятников, исполнительными функциями предполагалось наделить общие собрания комиссии, в которые должны были войти кроме постоянных членов, представители заинтересованных министерств, ведомств и научных учреждений.

Российскую империю предполагалось разделить на отдельные археологические округа (до 20), объединяющие по несколько губерний. Предполагалось образовать округа при учебных или научных центрах (университетах, научных обществах), а в каждой отдельной губернии выбрать блюстителей, в обязанности которых вменялось бы непосредственное осуществление контроля над состоянием памятников в губернии. В частности, Тверскую губернию предполагалось включить в состав Московского археологического округа (вместе с Московской, Владимирской, Рязанской, Тульской и Калужской губерниями).

В проекте подробно были расписаны предполагаемые расходы на деятельность учреждений по охране памятников. Ежегодный бюджет должен был составить 36 900 руб. Именно данный аспект проекта и послужил причиной того, что он не был внедрён в жизнь. В отношении, направленном в Министерство народного просвещения, министр финансов М. Х. Рейтерн указывал, «что при настоящих обстоятельствах я не могу изъявить согласие

Shamanaev A.V., *Voprosy okhrany pamyatnikov arkheologii na VI Arkheologicheskoy s"ezde v Odesse (1884 g.)*, Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda, Institut istorii material'noi kul'tury RAN, Sankt-Peterburg; Institut arkheologii RAN, Moskva; Institut arkheologii i etnografii SO RAN, Novosibirsk, T. II, S. 308–309.

²⁷ Охрана памятников в России: XVIII – начало XX вв. ... С. 98–100.

Okhrana pamyatnikov v Rossii: XVIII – nachalo XX vv., S. 98–100.

на производство из сумм Государственного казначейства означенного расхода и потому полагал бы учреждение названной комиссии отложить до более благоприятного времени»²⁸.

Более благоприятные обстоятельства наступили более чем через 20 лет. В 1901 г. с инициативой возобновления деятельности комиссии выступили уже не общественные организации, а государственное учреждение – Императорская археологическая комиссия. На этот раз проект разрабатывался в Министерстве внутренних дел. За основу был принят законопроект 1877 г. Принципиально было заявлено о разграничении сфер деятельности: Археологическая комиссия занимается регистрацией и учётом памятников, а МВД – их охраной. Более чётко по сравнению с предыдущим положением была определена юридическая основа проекта. Во-первых, признавалось необходимым определить общие признаки юридического обоснования древности предмета. Это отражалось в регистрации памятника, имеющей значение юридического акта. Необходимо отметить, что данный аспект в формировании законодательства не утратил своей актуальности и в настоящее время. Обширная историография советского и постсоветского периодов представлена в исследовании М. С. Крыловой²⁹. На практике реестры предполагалось заверять в МВД. Во-вторых, необходимо было произвести деление памятников на категории, и соответственно распространить на них правила охраны, принципиально разделив их на государственные и частные. В-третьих, законопроект должен был регламентировать властные функции центрального и местных органов по охране памятников. При этом, на местные учреждения возлагались так называемые «наблюдательные» функции (приведение в известность, обследование памятников, наблюдение за исполнением положения), а центральному – исполнительные (вопросы финансирования, составление инструкций, разрешение конфликтных ситуаций между ведомствами, организация экспедиций).

При подготовке проекта для обсуждения широкой общественности был предложен ряд вопросов: об охране памятников, находящихся в частной собственности; о правомерности привлечения земства к охране; об определении мер наказания при нарушении положения.

В обсуждении законопроекта приняли активное участие общественные организации: Московское археологическое общество (далее – МАО), Комиссия Академии Художеств, Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, в числе прочих и Тверская учёная архивная комиссия. «22 июня 1905 г. Департамент Общих Дел препроводил в Тверское общество истории и древностей выработанное Особой Комиссией

---

²⁸ Охрана памятников в России: XVIII – начало XX вв.... С. 110.

Okhrana pamyatnikov v Rossii? XVIII – nachalo XX vv., S. 110.

²⁹ Крылова М. С. Понятие «Памятник истории и культуры» в советском и российском законодательстве 1918–2002 гг. // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2017. № 3. С. 91 – 107.

Krylova M. S., *Ponyatie «Pamyatnik istorii i kul'tury» v sovetskom i rossiiskom zakonodatel'stve 1918–2002 gg.*, Vestnik MGU, Ser. 21, Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo), 2017, № 3, S. 91–107.

при Министерстве Внутренних дел основание Положения о мерах охранения древних памятников и зданий и проект разделения Империи на археологические округа, прося сообщить по означенным вопросам не позднее 1 октября 1905 г.»³⁰.

В целом необходимо отметить завидную солидарность общественных организаций в оценке положений проекта – все отозвались о нём крайне негативно.

К вопросу о частной и церковной собственности на исторические памятники авторы проекта подошли очень осторожно. Принципиально не допускалась возможность проявления конфликта между государственными интересами и частными. В то же время понималась важность оценки всех памятников как национального достояния страны. Следуя опыту европейских стран, было заявлено о приоритетном праве государства в вопросах отчуждения подобного рода собственности³¹. Это относилось к памятникам зодчества и археологическим предметам, найденным на частных землях. Относительно археологических памятников, расположенных на владельческих землях, было предложено обязательное условие в получении разрешения хозяину земли на планируемые им раскопки в Археологической комиссии. Кроме того, преимущественное право на раскопки в частных землях должна была иметь также Археологическая комиссия, которая, в свою очередь, обязана была бы получить согласие у владельца земли. Это положение вызвало одобрение со стороны ТУАК: «Действия, вырабатываемые Особой Комиссией правил необходимо распространить на недвижимые имущества, находящиеся в частной собственности»³².

Впервые в проекте 1911 г. предусматривалась уголовная и гражданская ответственность за порчу исторических памятников (возмещение материального ущерба, тюремное заключение).

Наиболее остро обсуждался вопрос о церковных древностях. В 1908 г. радикально настроенное АО обратилось в Совет министров с просьбой об объявлении предметов церковной старины государственной собственностью³³. Причиной такого выступления членов МАО были периодически повторяющиеся случаи самовольной перестройки и ремонта памятников храмовой архитектуры. Поводом же послужил случай распродажи некоторых предметов, хранившихся в архиерейской ризнице г. Смоленска. Реакция правительства на просьбу МАО была однозначной – церковное имущество

---

³⁰ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 258. Л. 4.

GATO, F. 103, Op. 1, D. 258, L. 4.

³¹ Охрана памятников в России XVIII – начало XX вв. ... С. 262–263.

Okhrana pamyatnikov v Rossii XVIII – nachalo XX vv., S. 262–263.

³² Архив Тверского государственного объединенного музея (далее – Архив ТГОМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

Arkhiv Tverskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya (Arkhiv TGOM), F. 1, Op. 1, D. 17, L. 3.

³³ Охрана памятников в России XVIII – начало XX вв. ... С. 183–189.

Okhrana pamyatnikov v Rossii XVIII – nachalo XX vv., S. 183–189.

признавалось неотчуждаемым. Святейший Синод в качестве профилактических мероприятий принял решение об организации церковно-археологических комитетов в епархиях, задача которых должна была состоять в хранении архивов и предметов старины, а также в наблюдении за их состоянием.

Предложение о возможности передачи функции охраны памятников древности в ведение земств вызвало негативную оценку со стороны научных сообществ. Было высказано мнение о невозможности организации охранных мероприятий при совмещении функций и эксплуатации, и охраны – в частности, архитектурных памятников, – в одном ведомстве.

В новом законопроекте были конкретизированы действия по наказанию за нарушение закона. Прежде всего, было принято решение о невозможности в качестве меры пресечения использовать только штрафные санкции, поскольку «лица, от которых возможно ожидать особо частых нарушений закона об охране древностей, принадлежат преимущественно к более или менее состоятельным кругам, а таких лиц одни штрафные взыскания, конечно, не удержат от действий, противных интересам государственной охраны древностей»³⁴. Время тюремного заключения в зависимости от рода преступления должно было составить от 3 недель до 16 месяцев. Наиболее жёстко пресекалось умышленное повреждение предмета древности. Кроме того, предполагалось объявить преступным деянием «взятие без соблюдения установленных правил предметов, принадлежащих к собраниям музеев, хранилищ и библиотек всех правительственных и общественных учреждений»³⁵, иными словами – воровство, а также вывоз древностей за границу и утайку кладов. За несанкционированные раскопки виновных предполагалось подвергать аресту на срок свыше трёх недель.

Кроме вышеперечисленных тем недовольство предлагаемого для обсуждения в Государственной думе проекта вызывали еще два вопроса: о финансировании и организационной структуре вновь создаваемых учреждений.

Поскольку по материальным соображениям проект 1877 г. не был принят, составители последнего пошли по пути чрезмерного сокращения бюджета предполагаемой к созданию комиссии. За образец был взят метод организации губернских учёных архивных комиссий, в которых почти все должности были совмещаемые с государственной службой и, следовательно, не оплачивались, что вызывало недовольство общественности. Дискуссия по этим вопросам была проанализирована В. Г. Ананьевым³⁶. Бюджет формировался минимальным финансированием из государственной казны. Ежегодно на вновь организуемую комиссию предполагалось тратить около 30 тыс. руб. В отзывах на про-

---

³⁴ Охрана памятников в России XVIII – начало XX вв. ... С. 246.

Okhrana pamyatnikov v Rossii XVIII – nachalo XX vv., S. 246.

³⁵ Там же. С. 252.

Ibid, S. 252.

³⁶ Ананьев В. Г. П. П. Вейнер и проблема охраны памятников в дискуссиях 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 50.

Anan'ev V. G., P.P. Veiner i problema okhrany pamyatnikov v diskussiyakh 1917 g., Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, № 405, S. 50.

ект приводились многочисленные аргументы в доказательство недостаточности этой суммы. Наиболее репрезентативным является сравнение указанной цифры с размерами трат на сохранение историко-культурных ценностей во Франции данного периода – 3,5 млн. франков.

Всю власть по охране памятников в предлагаемом к рассмотрению проекте предполагалось сосредоточить в особой иоиссии, состоящей из представителей министерств и ведущих научных учреждений страны, а местные органы охраны памятников ориентировать на сбор сведений и регистрацию памятников. С подобным положением дел не могли согласиться не только учёные сообщества, действовавшие в столицах, но и местные губернские учреждения. В частности, законопроект по охране памятников «по мнению [Тверской учёной] архивной Комиссии, [следовало бы] дополнить ещё одним четвёртым пунктом: Ведение дел о нарушениях правил по охране древних памятников и зданий предоставляется Губернским Архивным комиссиям; в первом же пункте постановлений надлежало бы внести добавление о том, что наравне с памятниками церковной, гражданской и военной архитектуры и пр. воспрещается разрушать или сносить курганы, могильники и городища и что раскопки их с научной целью должны быть производимы под наблюдением и ответственностью губернских археологических комиссий»³⁷. Кроме того, недовольство вызывало количественное преобладание в органах охраны чиновников из различных ведомств и министерств, имеющих очень слабое представление о предмете охраны. В то же время число квалифицированных специалистов было сведено к минимуму. Видимо, этим объясняется активное участие интеллигенции в деле охраны памятников в процессе и сразу после окончания революционных событий 1917 г. Таким образом, второй законопроект не был поддержан Государственной Думой и, в конце концов, в 1916 г. отправлен на доработку.

События Первой мировой войны снова заставили правительство обратиться к возобновлению работы над законопроектом. Расхищение памятников древности на территориях, оказавшихся в зоне боевых действий, приняло такие угрожающие размеры, что возникла идея о немедленной национализации всех исторических памятников страны³⁸. Кроме того, мобилизация экономических ресурсов на нужды фронта также могла вести к утрате памятников древности и на территориях, находящихся вне театра боевых действий. В обращении Московского археологического общества к тверскому губернатору звучит убедительная просьба сохранять историческое наследие края: «Если же Вашим превосходительством действительно дано распоряжение о сборе металла, и эта мера, как обусловленная военными нуждами, является необходимой, а по сему во всем своём объёме отменена

---

³⁷ Архив ТГОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–3 об.
Arkhir TGOM, F. 1, Op. 1, D. 17, L. 3–3 ob.

³⁸ Охрана памятников в России: XVIII – начало XX вв. ... С. 317.
Okhrana pamyatnikov v Rossii: XVIII – nachalo XX vv., S. 317.

быть не может, Императорское археологическое общество выражает желание, чтобы, по крайней мере, не попадали в лом вещи, имеющие художественное и археологическое значение»³⁹.

Очень остро встал вопрос об охране памятников во время гражданской войны и двух революций. Период хаоса и безвластия привел к тому, что многие артефакты оказались за границей или в частных коллекциях, не доступных исследователям. По свидетельству А. А. Спицына, коллекция кремневого инвентаря с оз. Мстино Вышневолоцкого уезда «... по слухам... частью или целиком ушла за границу»⁴⁰.

В итоге к 1917 г. в области охраны древностей на территории Российской империи сложилась ситуация, фактически плохо контролировавшаяся нормами законодательства. Обе попытки реформировать эту сферу деятельности остались безуспешными. И если в первом случае основной причиной было нежелание финансировать охранные учреждения, то во втором случае основной причиной неудачи явилось чрезмерное затягивание процедуры обсуждения проекта положения (с 1905 по 1912 г.), что явилось своеобразной оборотной стороной некоторой демократизации общественной жизни.

В период деятельности Временного правительства было организовано два учреждения по охране памятников – «Особое совещание по делам искусства над бывшим Министерством Двора и Уделов» и «Комиссия по делам искусства» под председательством М. Горького. 16 сентября 1917 г. комиссар Временного правительства Г. К. Лукомский (автор большого количества книг по истории отечественного зодчества⁴¹), направленный в Тверь, обратился с воззванием к общественным организациям г. Твери: «В целях объединения принимаемых к охране исторических памятников и зданий от порчи и разрушения мер, а также для обеспечения возможности своевременного издания с этой целью распоряжений из центра... местные учреждения, заинтересованные в охране памятников старины и искусства, доводили неотлагательно до сведения Совета о всех произведённых или угрожающих вандализмом над историческими и художественными памятниками и зданиями взломе или другом виде»⁴². Необходимо отметить, что на многочисленных совещаниях и заседаниях Временного правительства относительно охранительных мероприятий речь шла прежде всего о памятниках архитектуры и предметах искусства, в меньшей степени об охране археологических объектов⁴³.

---

³⁹ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 414. Т. 1. Л. 121 об.

ГАТО, Ф. 103, Оп. 1, Д. 414, Т. 1, Л. 121 об.

⁴⁰ Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 267. Л. 10.

Arkhiv TGOM, F. R-1, Op. 1, D. 267, L. 10.

⁴¹ Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917–1920 гг. М., 1989. С. 144; Платонова Н. И. Указ. соч. С. 486–487.

Zhukov Yu. N., *Stanovlenie i deyatel'nost' sovetskikh organov okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. 1917–1920 gg.*, М, 1989, S. 144; Platonova N. I., Op. cit., S. 486–487.

⁴² ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 415. Л. 6 об.

ГАТО, Ф. 103, Оп. 1, Д. 415, Л. 6 об.

⁴³ Ананьев В. Г. Указ. соч. С. 51.

В целях спасения памятников старины и искусства от расхищения в уездах были назначены лица, ответственные за охранные мероприятия. Сохранившийся список насчитывает 20 представителей из 8 уездов губернии (Бежецкий, Калязинский, Кашинский, Корчевской, Ржевский, Старицкий, Осташковский, Новоторжский)⁴⁴. Это были либо представители духовного ведомства (8 человек), либо местного чиновничества (8 человек). Четверо из них состояли членами ТУАК (П. Ф. Симсон, И. В. Ливотов, А. Я. Грузинцев, Б. В. Штюрмер). Уже в 1920 г. И. А. Виноградов и А. И. Иванов – сотрудники Подотдела по делам музеев, охране памятников старины и искусства, – были направлены в Вышний Волочёк для осуществления охранных мероприятий коллекций А. А. Ширинского-Шихматова⁴⁵. Таким образом, новая власть активно использовала специалистов, хорошо зарекомендовавших себя знанием памятников древности и старины на территории губернии. «Многочисленные представители интеллигенции пошли на сотрудничество с новой властью в вопросах охраны не по идейным соображениям, а ради спасения культурного наследия»⁴⁶. Документирование мероприятий периода революционных событий 1917 г. велось эпизодически, и восстановить полную картину всего происходящего не брались даже непосредственные участники событий. Ф. И. Шмит, теоретик и практик музейного дела в России, в 1929 г. писал: «Нельзя не пожалеть, что у нас нет до сих пор хотя бы самой сухой фактической сводки данных о том, как спасали и охраняли культурные ценности в 1917 и след. годах. Архивы целого ряда организаций, сделавших очень многое, достоверно уже больше не существуют, а архивы других учреждений находятся неизвестно где, с каждым годом становится всё труднее и труднее собирать разрозненные документы, с каждым годом изглаживаются в памяти отдельных работников детали того, что было Пережито в эти страшные и упоительные годы Революции»⁴⁷.

Следующий этап законотворчества связан с деятельностью советского правительства. Осенью 1918 г. было опубликовано два декрета совнаркома: «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины»⁴⁸ и «О

Anan'ev V. G., *Op. cit.*, S. 51.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 242. Л. 2 об.; Ф. Р-488. Оп. 5. Д. 20. Л. 161.

ГАТО, Ф. 103, Оп. 1, Д. 242, Л. 2 об.; Ф. Р-488, Оп. 5, Д. 20, Л. 161.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-488. Оп. 5. Д. 18. Л. 7.

Ibid., Ф. Р-488, Оп. 5, Д. 18, Л. 7.

⁴⁶ *Рязанцев Н. П.* К вопросу о сохранении культурного наследия в России в начале XX // Карабихские научные чтения. Музей – усадьба – литература: пути и проблемы взаимодействия традиционных культурных институтов в современном мире: материалы научно-практической конференции (Ярославль, 5–6 июля 2018 года). Ярославль, 2018. С. 80.

Ryazantsev N. P., *K voprosu o sokhranenii kul'turnogo naslediya v Rossii v nachale XX*, Karabikhskie nauchnye chteniya. Muzei – usad'ba – literatura: puti i problemy vzaimodeistviya traditsionnykh kul'turnykh institutov v sovremenном mire: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Yaroslavl', 5–6 iyulya 2018 goda), Yaroslavl', 2018, S. 80.

⁴⁷ *Шмит Ф. И.* Указ. соч. С. 46–47.

Shmit F. I., *Op. cit.*, S. 46–47.

⁴⁸ Охрана памятников истории и культуры. С. 8.

Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury, S. 8.

регистрации, приёме на учёт и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений»⁴⁹. Новое правительство стремилось поставить под контроль перемещение предметов искусства и старины как внутри государства, так и за его пределами. Учёту и регистрации подвергались частные, общественные и национализированные собрания. Государство контролировало операции купли-продажи древностей и все действия по смене их владельцев. При торговых операциях государственные органы культуры имели право преимущественной покупки, причём с приоритетом самостоятельной ценовой политики. Нарушения правительственных постановлений влекли за собой меры уголовной ответственности (заключение под стражу), однако ведущей формой наказания являлась конфискация имущества. Таким образом, на протяжении 20-х гг. XX в. шёл процесс смены формы собственности. В числе прочих обобществленных культурных ценностей были и археологические коллекции.

Смена власти не повлияла на изменение активности грабительских раскопок. По-прежнему курганы распахивались крестьянами⁵⁰, раскапывались в поисках кладов⁵¹. Однако к хозяйственной необходимости и праздному любопытству прибавилось ещё невежество советских чиновников. В качестве иллюстрации можно привести пример переписки председателя Губернского подотдела по делам музеев и охране памятников К. Краснова и начальника Весьегонской уездной милиции П. О. Смердыня (5 апреля 1920 г.): «На Ваш запрос... Подотдел... сообщает, что... курганы представляют собою могильные насыпи народа славянского племени, жившего в этих местах в IX–XII вв. по Р.Х., но никак не могилы людей, погребённых во время Литовского нашествия; в курганах этих материальных ценностей никаких нет. Производить раскопку курганов возможно лишь с ведома и согласия Центрального отдела по делам музеев ...»⁵².

Централизация бюрократического аппарата советского государства требовала создания государственной структуры и в области охраны памятников. Этот процесс шёл одновременно и из центра (путём внедрения новых организационных структур и разработки законодательства), и из губерний (посредством общественной инициативы).

В Твери в июле 1921 г. проходил 1-й Тверской губернский съезд по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы. В принятой на съезде резолюции наблюдение за проводимыми на территории губернии археологическими раскопками и возбуждение судеб-

---

⁴⁹ Там же. С. 9–10.

Ibid, S. 9 – 10.

⁵⁰ ГАТО. Ф. Р-488. Оп. 5. Д. 48. Л. 7.

GATO, F. R-488, Op. 5, D. 48, L. 7.

⁵¹ Там же. Д. 16. Л. 101; Д. 20. Л. 136.

Ibid, D. 16, L. 101; D. 20, L. 136.

⁵² Там же. Д. 20. Л. 69.

Ibid, D. 20, L. 69.

ного преследования за разрушение памятников возлагались на региональные органы (Губмузей и Губернский исполнительный комитет) и федеральный орган управления (Главмузей)⁵³.

В 1923 г. в Москве была образована Межведомственная комиссия при Народном комиссариате просвещения⁵⁴, в которой были сосредоточены представители комиссариатов юстиции, внутренних дел и совнархоза. Кроме представителей силовых и хозяйственных структур в данный комитет вошли деятели академической науки (в том числе Государственной академии истории материальной культуры), музейные работники и чиновники от искусства и архитектуры. В губерниях исполнительную власть реализовывали отделы народного образования и подотделы по делам музеев.

Центральный государственный орган решал вопросы о составлении и утверждении списков памятников на территории страны; об использовании памятников, вплоть до их полной разборки; о выборе формы финансирования охранных мероприятий; об утверждении проектов ремонтно-реставрационных работ. В функции губернских подотделов входили вопросы подготовки списка памятников на территории губернии; установления объема исследовательских и восстановительных работ на объекте, а также контроль над проводимыми на памятнике мероприятиями.

Регламентировал эту деятельность Декрет ВЦИК и Совнаркома от 7 января 1924 г.⁵⁵ Инструкция к данному документу⁵⁶, она определяла наиболее полный круг археологических источников, подлежащих охране, – все виды погребений, поселений, памятников монументального искусства, палеозоологические остатки. Была декларирована исключительная собственность государства на археологические памятники, в том числе клады и случайные находки. Работы на археологических объектах могли производиться на основании открытых листов, выдаваемых Отделом по делам музеев Главного управления научных учреждений Академического центра Наркомпроса.

Вопросы финансирования решались сразу в двух направлениях: была разрешена коммерческая деятельность учреждений культуры (взимание платы, продажа изданий, аренда земельных участков и строений) и организовано государственное материальное обеспечение. При этом памятники, стоящие на балансе государства, обеспечивались соответственно из центральной государственной казны. К содержанию памятников истории и культуры привлекались и средства местного бюджета. Губернские комитеты, кроме функций охраны, осуществляли мероприятия по регистрации и

---

⁵³ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 18. Л. 21.

GATO, F. R-2691, Op. 1, D. 18, L. 21.

⁵⁴ Охрана памятников истории и культуры. С. 22–23.

Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury, S. 22–23.

⁵⁵ Там же. С. 24–26.

Ibid, S. 24–26.

⁵⁶ Там же. С. 29–40.

Ibid, S. 29–40.

изучению археологических памятников. В 1920 г. на археологические исследования по р. Рене Весьегонского уезда было израсходовано 600 тыс. руб.⁵⁷, в 1923–1924 гг. профинансированы раскопки курганов у д. Кошево Старицкого уезда И. А. Виноградовым⁵⁸, Ф. П. Ярополов произвёл учёт археологических памятников Новоторжского уезда⁵⁹. Однако доля археологических исследований по сравнению с остальными формами деятельности губернских подотделов оставалась ничтожно малой: «за отчётный период [1923–1924 гг.] представителями комитета выполнено 84 специальных поручения и командировки. Из этого числа..., 2 % – поездки и обследования археологического характера...»⁶⁰.

Относительно стройная система охраны памятников, предполагавшая систему региональных отделений, подчинявшихся Наркомпросу, с посильной помощью на местах общественных краеведческих организаций, в начале 1930-х гг. была реорганизована. В 1932 г. был создан Комитет по охране памятников Революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК⁶¹. По постановлению 1934 г.⁶² работы по изучению и фиксации археологических памятников производились за счёт учреждений, использовавших эти памятники. В частности, ремонтно-строительные работы на земельных участках г. Твери, принадлежавших педагогическому институту и расположенных в исторической части города, проводились в 30-е гг. XX в. экспедицией Тверского (Калининского) государственного педагогического института под руководством профессора А. Н. Вершинского⁶³. Но, как справедливо заметила Е. Г. Лопатина, довольно часто «работа по сохранению и использованию памятников переходила в ведение различных административных и хозяйственных организаций, совершенно далеких от этих проблем»⁶⁴.

Все нарушения принятых законов преследовались согласно статьям Уголовного кодекса 1922 г.: «Статья 102. Соккрытие коллекций и памятников

---

⁵⁷ ГАТО. Ф. Р-488. Оп. 5. Д. 17. Л. 10.

ГАТО, Ф. Р-488, Оп. 5, Д. 17, Л. 10.

⁵⁸ Там же. Д. 48. Л. 7.

Ibid, D. 48, L. 7.

⁵⁹ Там же. Л. 3.

ibid, L. 3.

⁶⁰ Там же. Л. 4–5.

Ibid, L. 4–5.

⁶¹ Охрана памятников истории и культуры. С. 46–47.

Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury, S. 46–47.

⁶² Там же. С. 51.

Ibid, S. 51.

⁶³ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 18.

ГАТО, Ф. Р-2691, Оп. 1, Д. 18.

⁶⁴ Лопатина Е. Г. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1917 – середине 1930-х годов // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 4. С. 27.

Lopatina E. G., *Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v 1917 – seredine 1930-kh godov*, Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy, 2011, Vyp. 4, S. 27.

старинны и искусства, подлежащих регистрации, учету или передачи в государственные хранилища, – карается принудительными работами на срок до одного года с конфискацией скрытого имущества»⁶⁵. Статьи 105, 107 предусматривали наказания должностных лиц за нарушение закона – от увольнения с должности и возмещения убытка до лишения свободы «... на срок не ниже одного года со строгой изоляцией»⁶⁶.

Таким образом, законодательная инициатива в области охраны памятников, принадлежавшая правительству Российской империи, была реализована в жизнь уже в советское время. Революционные события 1917 г. послужили своеобразным катализатором этого процесса. Основные положения проектов конца XIX – начала XX в. нашли своё реальное воплощение в постановлениях советского правительства 20–х гг. XX в. Безусловно, это произошло с учётом норм и реалий строящегося социалистического общества – жесткой централизации и унификации организационных структур, признания исключительно государственной формы собственности. Плюрализм мнений дооктябрьского периода, тормозивший выработку законопроекта по охране древностей, сменился однозначностью законов советского времени.

Список литературы:

- Григорьева С. Е., Дмитриенко Н. М., Черняк Э. И.* Томский краевой музей и сохранение культурных ценностей (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 201–209.
1. *Жервэ Н. Н.* Деятельность Новгородского общества любителей древности по охране и археологическому изучению памятников новгородской старины (1908 – 1930 гг.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: тез. науч.-практ. конф. Новгород, 1988. Вып. 1. С. 111–114.
  2. *Жуков Ю. Н.* Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1989. – 301 с.
  3. *Карпетян Л. А.* Охрана культурного наследия в России в начале XX в.: К вопросу о законопроекте «Об охране древностей» // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 1 (64). С. 44–49.
  4. *Киндзерская М. А.* Охрана памятников в начальный период осуществления социалистических новаций // Культурная жизнь Юга России. № 2 (31). 2009. С. 8–9.
  5. *Крылова М. С.* Понятие «Памятник истории и культуры» в советском и российском законодательстве 1918–2002 гг. // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2017. № 3. С. 91–107.

---

⁶⁵ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953. С. 128.

Sbornik dokumentov po istorii ugovolnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR 1917–1952 gg., Pod red. I.T. Golyakova, M, 1953, S. 128.

⁶⁶ Там же. С. 129.

Tam zhe, S. 129.

6. Личак Н. А. Охрана памятников истории и культуры в Верхнем Поволжье в начале 1920-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Серия: История. Вып. 97. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2009. С. 28–35.
7. Личак Н. А. Деятельность провинциальных музеев по сохранению памятников искусства и старины Тверской губернии в 1920-х гг. // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 302–304.
8. Личак Н. А. Классификация памятников искусства и старины в первые годы советской власти // Наука и современность-2010. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Исторические науки. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2010. С. 102–106.
9. Лопатина Е. Г. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1917 – середине 1930-х годов // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 4. С. 24–28.
10. Платонова Н. И. Первые шаги в деле охраны памятников революционного Петрограда (к публикации документов из личного архива П. П. Покрышкина) // Российский археологический ежегодник. № 4. 2014. СПб: «Университетский издательский консорциум», 2014. С. 480–499.
11. Рязанцев Н. П. К вопросу о сохранении культурного наследия в России в начале XX // Карабахские научные чтения. Музей – усадьба – литература: пути и проблемы взаимодействия традиционных культурных институтов в современном мире: материалы научно-практической конференции (Ярославль, 5–6 июля 2018 года). Ярославль: ООО «Академия 76», 2018. С. 77–83.
12. Шаманаев А. В. Вопросы охраны памятников археологии на VI Археологическом съезде в Одессе (1884 г.) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда / Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; Институт археологии РАН, Москва; Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 308–309.
13. Шмит Ф. И. Музейное дело: Вопросы экспозиции. Л.: Ленинградская Правда, 1929. – 245 с.

**THE PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS
IN THE TVER' PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX-TH
– THE FIRST THIRD OF THE XX-TH CENTURIES**

E. N. Zhukova

Tver' State University,
Department of Russian History, Tver', Russia

The article reveals the features of the process of destruction and loss of archaeological monuments in the Tver province. The paper considers the aspects of the formation of legislation on the protection of ancient monuments

and the real situation of the protection of monuments on the example of the Tver' province. In the pre-revolutionary period they started lawmaking twice – in the 70s of the XIX-th century and in the first years of the XX-th century. Meanwhile, they systematized and declared various aspects of the protection of monuments; namely, they developed the structure of the protection bodies and determined methods and means of implementing the tasks. However, the proposed projects were not embodied into laws. The indecision of the government in this matter intensified the initiative of public organizations, including the ones in the Tver province. As a result, the revolutionary events of 1917 served as a kind of catalyst for this process. The main ideas of the projects of the late XIX-th – early XX-th centuries found their real embodiment in the resolutions of the Soviet government of the 20s of the XX-th century. Undoubtedly, this happened taking into account the norms and realities of the socialist society under construction: the rigid centralization and unification of the organizational structures involved in the protection of monuments, the recognition of exclusively state ownership.

Keywords: *the protection of archaeological monuments, the predatory excavations, the Upper Volga region, the Imperial Archaeological commission, the Moscow archaeological society, the Tver scientific archival commission.*

Об авторе

ЖУКОВА Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Тверской государственной университет (170100, Россия, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: p000401@mail.ru

About the author:

ZHUKOVA Elena Nikolaevna – the Candidate of the History, the Associated Professor, the Dept of the Russian History, the Tver' State University (170100, Russia, Tver', Trekhsviatskaia str, 16/31, off. 207), e-mail: p000401@mail.ru

References

- Grigor'eva S.E., Dmitrienko N.M., Chernyak E.I. *Tomskii kraevoi muzei i sokhranenie kul'turnykh tsennostei (1920-e gg.)*, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Kul'turologiya i iskusstvovedenie, 2018, № 30, S. 201–209.
- Zherve N.N. *Deyatel'nost' Novgorodskogo obshchestva lyubitelei drevnosti po okhrane i arkheologicheskomu izucheniyu pamyatnikov novgorodskoi stariny (1908 – 1930 gg.)*,/ Novgorod i Novgorodskaya zemlya, Istoriya i arkheologiya: (tez. nauch.-prakt. konf), Novgorod, 1988, Vyp. 1, S. 111–114.

- Zhukov Yu.N. *Stanovlenie i deyatelnost' sovetskikh organov okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. 1917-1920 gg.*, M., 1989. 301 s.
- Karapetyan L.A. *Okhrana kul'turnogo naslediya v Rossii v nachale XX v.: K voprosu o zakonoproekte «Ob okhrane drevnostei»*, Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii, 2017, № 1 (64), S. 44–49.
- Kindzerskaya M.A. *Okhrana pamyatnikov v nachal'nyi period osushchestvleniya sotsialisticheskikh novatsii*, Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii, № 2 (31), 2009, S. 8–9.
- Krylova M.S. *Ponyatie «Pamyatnik istorii i kul'tury» v sovetskom i rossiiskom zakonodatel'stve 1918–2002 gg.*, Vestnik MGU, Ser. 21, Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo), 2017, № 3, S. 91–107.
- Lichak N. A. *Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury v Verkhnem Povolzh'e v nachale 1920-kh godov*, Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, Seriya: Istoriya, Vy. 97, SPb, 2009, S. 28–35.
- Lichak N.A. *Deyatel'nost' provintsial'nykh muzeev po sokhraneniyu pamyatnikov iskusstva i stariny Tverskoi gubernii v 1920-kh gg.*, Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik, 2015, № 6, S. 302–304.
- Lichak N.A. *Klassifikatsiya pamyatnikov iskusstva i stariny v pervye gody sovetской vlasti*, Nauka i sovremennost'-2010, Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ch. 2. Istoricheskie nauki, Novosibirsk, 2010, S. 102–106.
- Lopatina E. G. *Gosudarstvennaya politika v oblasti okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v 1917 – seredine 1930-kh godov*, Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy, 2011, Vyp. 4, S. 24–28.
- Platonova N. I. *Pervye shagi v dele okhrany pamyatnikov revolyutsionnogo Petrograda (k publikatsii dokumentov iz lichnogo arkhiva P. P. Pokryshkina)*, Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik, № 4, 2014, SPb, 2014, S. 480–499.
- Ryazantsev N.P. *K voprosu o sokhraneni kul'turnogo naslediya v Rossii v nachale XX*, Karabikhskie nauchnye chteniya, Muzei – usad'ba – literatura: puti i problemy vzaimodeistviya traditsionnykh kul'turnykh institutov v sovremennom mire: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Yaroslavl', 5–6 iyulya 2018 goda), Yaroslavl', 2018, S. 77–83.
- Shamanaev A.V. *Voprosy okhrany pamyatnikov arkheologii na VI Arkheologicheskom s'ezde v Odesse (1884 g.)*, Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda, Institut istorii material'noi kul'tury RAN, Sankt-Peterburg; Institut arkheologii RAN, Moskva; Institut arkheologii i etnografii SO RAN, Novosibirsk, SPb., M., Velikij Novgorod, 2011, T. II, S. 308–309.
- Shmit F.I. *Muzeinoe delo: Voprosy ekspozitsii*, L, 1929, 245 s.

Статья поступила в редакцию 18.10.2019 г.